

ну Тогрул-беку, внуку Сельджука. Тогрул-бек (1038–1063 гг.), честолюбие которого равнялось его храбрости, уверовал вместе со своей дружиной в Магомета, и вскоре к титулу завоевателя Персии присоединил имя покровителя религии мусульманской.

В то время берега Тигра и Евфрата были возмущены восстанием эмиров, которые делили между собой остатки Багдадского калифата. Калиф Кайем просил помощи у Тогрула и обещал новому повелителю Персии завоевание всей Азии. Тогрул, наименьший в своем племени, отправился в поход, рассеял мятежников, опустошил провинции и явился в Багдад, чтобы пасть к ногам калифа, который торжествовал победу своих освободителей и утвердил их право на власть. Во время этой важной церемонии Тогрул был по очереди облечен в семь одежд; ему подарили семь рабов, рожденных в семи климатах арабских владений; в знак его власти над Востоком и Западом ему подпоясали два меча и на голову возложили две короны.

Страны, на которые указал наместник Магомета честолюбию новых завоевателей, были вскоре завоеваны их оружием. В правление Алып Арслана (1063–1072 г.) и Малек-шаха, преемников Тогрула, семь ветвей династии Сельджуков разделили между собой обширные провинции Азии. Едва прошло 30 лет со времени завоевания Персии турками, как их военные и пастушеские поселения распространились уже от Оксуса до Евфрата и от Инда до Гелеспонта. Наместник Малек-шаха пронес свое оружие до берегов Нила и овладел Сирией, подвластной калифам Фатимидским. Палестина подпала также под власть турок; на стенах Иерусалима развевалось черное знамя Аббасидов. Победители не щадили ни христиан, ни детей Али, которых багдадский калиф считал врагами Аллаха. Игнелинский гарнизон был вырезан; мечети и церкви разграблены. Святой город утопал в крови христиан и мусульман. При этом история вместе с Писанием может сказать, что Бог «предал детей своих печавидящим их». Так как власть новых завоевателей Сирии и Иудеи была еще новая и не успела утвердиться, то

она обнаруживала беспокойство, ревность и насилие. Христианам пришлось переносить бедствия, каких не испытывали и их отцы под управлением калифов Багдада и Каира.

Когда пилигримы Латинской церкви, пройдя враждебные страны и подвергнувшись тысячам опасностей, являлись, наконец, в Палестину, ворота святого города открывались только тем, которые могли заплатить золотую монету; а так как пилигримы были большей частью бедны и лишились последнего от грабежа во время пути, то им приходилось бродить под стенами Иерусалима, для которого они пожертвовали всем. Большая часть их погибала от голода, жажды, наготы или от неприятельского меча. Даже и те, которые успевали попасть в город, не были обеспечены от опасностей; угрозы и оскорбления со стороны мусульман преследовали их на Лобном месте, на горе Сионе и в других местах, которые они посещали. Когда случалось им собираться в храмах святого города, яростная толпа являлась прерывать своими криками божественную службу, топтала ногами священные сосуды; иные садились на алтари, оскорбляли и били розгами духовных, облеченных в пастырские ризы. Чем более верные обнаруживали свою благочестивую ревность, тем усиленнее становилась ярость мусульман. Их иступленное варварство являлось во всей силе особенно во время торжественных дней; и каждый год, дни самые уважаемые в церкви христианской, как-то: рождества, смерти и воскресения Спасителя, были обозначены преследованиями и смертью его учеников. Пилигримы, возвратившись в Европу, рассказывали все, что они видели и что претерпели. Их рассказы, преувеличенные еще молвой, перелетавшей из уст в уста, исторгали слезы верующих.

Пока турки под начальством Тутуна и Ортока опустошали Сирию и Палестину, другие колена этого народа, предводительствуемые Солиманом, племянником Малек-шаха (Килидж Арсланом), проникли в Малую Азию. Они овладели всеми провинциями, через которые обыкновенно проходили западные пилигримы, следовавшие